

В. Потёмкин. — „Бабушкин садъ“.
 (Третьяковская галерея).

№ 22.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Санкт-Петербургъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на Д.,
 Екатеринославъ, Рига, Екатеринбургъ, Енисейскъ, Ново-російскъ, Эривань.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 22.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

15 НОЯБРЯ 1914 г.
ПЕТРОГРАДЪ.

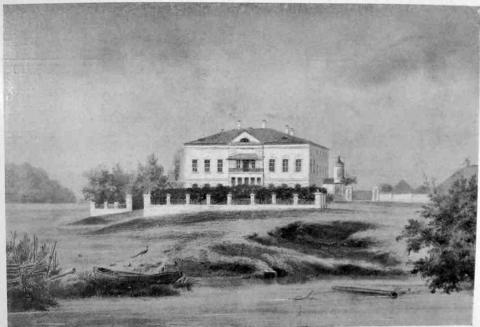
СЕРГІЕВСКОЕ.

(В. А. и П. А. Языковъ).

Крыльцо и часть фасада барского дома въ Сергѣевскомъ.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Домъ въ „Сергіевскомъ“ въ 1856 году. (Съ современнаго рис. А. Попова).

СЕРГІЕВСКОЕ.

В. А. и П. А. Языковыхъ.

Имяіе Сергіевское на Упѣ, Тульскаго уѣзда, находится въ роду Языковыхъ съ 1730-хъ годовъ. Раньше оно принадлежало Сухотиннымъ, которые дали его въ приданое своей дочери, вышедшей замужъ за И. А. Языкова.

Домъ,—какъ разсказываютъ,—былъ маленькій, бревенчатый, выходилъ на большую липовую аллею. Прадѣдъ Языковыхъ, очень богатый человѣкъ и владѣвшій большими помѣстьями въ Тульской и Нижегородской губ., избралъ Сергіевское, изъ за красоты мѣстности, своей резиденціей и выстроилъ большой каменный домъ, фасадомъ на рѣку Упу.

Планъ дома составлялъ петербургскій архитекторъ (?), материалы заготовлялись въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и домъ былъ оконченъ и освященъ въ 1801 году. Подъ домою громадныя подвалы на сводахъ, а въ домѣ—кладовыя съ рѣшетчатыми окнами, съ массивными, коваными желѣзными две-

рями и ставнями; всѣ выступы и наружные карнизы дома сдѣланы изъ тесанаго камня.

Парадная лѣстница, ведущая по 2-ой и 3-й этажіи дома, темнаго дуба. Всѣ внутреннія стѣны парадныхъ комнатъ были,—какъ говорить,—очень красиво разрисованы отъ руки прѣзжимаго художникомъ изъ Москвы, но, къ сожалѣнію, дѣдъ Языковыхъ уничтожилъ эти рисунки и замѣнилъ ихъ обоями.

Прадѣдъ былъ большой любитель птицъ, и, какъ видно на копіи съ рисунка карандашемъ, у него по бокамъ дома, гдѣ теперь балконы, были устроены застекленныя башенки, въ которыхъ онъ держалъ всевозможныхъ пѣвчихъ и рѣдкихъ птицъ. Такъ какъ башенки зимою не отапливались, то птицъ съ наступленіемъ холодовъ сажали въ клѣтки и разставляли въ большомъ залѣ на высокіе и широкіе карнизы, специально для этого приспособленные. Въ 1872 г. башенки были уничтожены, но высокая ка-

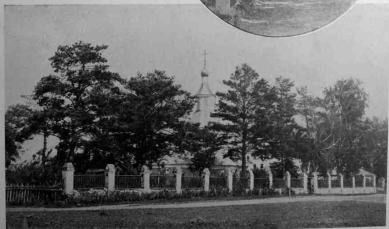

Рѣка Упа передъ домомъ.

Липовый аллея
въ паркѣ.

Церковь близъ дома Языковыхъ;
выстроена въ 1735 году.

Гостиница в доме Языковых.
Натяну на стену старинный портрет
П. А. Языкова, раб. А. Попова; направо
портрет С. А. Языкова, работы не-
известного художника.

Дом в „Сергиевском“—
(Съ современной фотографии).
Домъ построенъ въ 1798 году

менная ограда, отдѣляющая домъ отъ рѣки, еще оставалась. Рядомъ шла дорога, и былъ устроенъ водопой для скота. Ограда въ 1873 г. была разобрана, дорога и водопой уничтожены, и отъ дома до склона къ рѣкѣ былъ разбитъ англійскій садъ, а каменная ограда возведена по обѣмъ его стороны.

Въ домѣ большая библіотека и много интересныхъ старихъ рукописей и книгъ, какъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ съ 1756 по 1770 г.г. въ старинныхъ переплеткахъ. Также имѣются въ домѣ старинная бронза, фарфоръ, хрусталь.

Послѣ освобожденія крестьянъ они были поселены по ту сторону рѣки Упы, такъ что близъ усадьбы нѣтъ ни деревни, ни поселковъ.

Церковь близъ дома—каменная, выстроенная въ 1730-хъ годахъ. Въ ней похоронена въ 1738 г. г-жа Сухотина, о чемъ свидѣтельствуешь надгробная плита, вѣдланная во внутреннюю стѣну церкви. Иконостасъ—очень стѣдный, съ рѣдкими образами.

Прабабушка Языкова была очень набожная женщина и послѣ смерти мужа выстроила себѣ келью, примыкающую къ церкви. Входъ въ нее былъ черезъ притворъ, а изъ кельи выходило окно въ церковь, откуда прабабушка могла слѣдить за всѣми службами. Говорятъ, она много лѣтъ поды рядъ переѣзжала на лѣтние мѣстны въ келью, а на зимне—возвращалась въ домъ, такъ какъ церковь и келья не имѣли печей.

Въ домѣ много портретовъ, между прочимъ, П. А. Языкова, брата дѣда, работы художн. А. А. Попова и Степана Анниновича Языкова (неизвѣстнаго

художника); Ст. Ант. командовалъ полкомъ въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, о чемъ упоминается въ своихъ запискахъ Болотовъ.

С. Я.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СТАРЫЙ ПОРТРЕТЪ“.

(Мѣсто дѣйствія—усадьба Языковыхъ).

Мы городъ оставили,—яснѣй былъ день,—
Да жаль, заколели къ парку;
На жнивы ложилась вечерняя тѣнь,
Когда ползла къ намъ къ дому.
Спустился съ горы мы, проѣхали боръ,
Завидѣвъ поля и рощица.
Родимой усадьбой уткнулся козиръ;
Вотъ липы ея вѣтвица.

* *

Вотъ шероховатѣе стариннаго Крестъ жестяной
На башнѣ огнемъ позолоты;
Тысячи могилъ за веткой стѣной,
Гдѣ, куда тревога и забота—
Покоится аки въ объятыхъ земни,
Въ тѣни и прохладѣ тѣнистой.
Здѣсь праздны мирной вѣрой обрѣвъ
Поль стѣною беремъ душистой.

* *

Но мнѣ и дальше! Мелькаютъ сани,
Вотъ мельница съ тонкой платиной,
Заглохла, обросше тной, прудомъ,
Ползаетъ вѣткою тной.
Безъ удержу, бѣшено тройка летитъ,
Какъ будто страдальца погонитъ;
И вотъ мы у дома,—дворчикъ стоитъ,
Хранитъ изуревые кони.

* *

тарак, меня въ комнату чинно ведет,
решитъ подъ ногою ступень,
О ласкѣ тѣмной, дубовой, шнурѣ
Мы двинуся оба, какъ тѣла.
Тѣмни мы вѣдемъ въ старыхъ стѣнахъ,
Отыскавъ отъ слова людского,
На сердце ложится потоптанный страхъ,
Затѣмъ царствуетъ память былого.

Но страхъ тотъ недолгой! Какъ разуютъ галы
Завоюемъ съ дѣтства црелени!
Для сердца все мило, Привлечу я васъ,
Старинные дѣлать портреты!
Я снова въ мечтательнѣ и грезѣхъ живу
Средь мертвыхъ разныхъ посылѣй,
Встанутъ предо мною, какъ сны на ау,
Картины волшебныхъ видѣй...

А. И. Я.

ДУША ВЕЩЕЙ.

(ЭПОДЪ).

Chambre tris claire et bien quarrée,
Chambre au corps humain préparée,
Chambre bastie d'un maçon,
Par tris excellent façon.
Gilles Corrozet, "Les Blasons domestiques", 1539.

— Нѣтъ больше вещей, совѣтъ нѣтъ!—жаловался Горький.

— Нѣтъ вещей, нѣтъ!—согласились другіе.

Кое-что попадаетъ еще въ ломбардахъ, но такіе приобрѣтенія не дѣла коллекционера. Какъ всѣ артисты, они суетливы. Въ ломбардѣ приходятъ вещи ненадежныя, именнѣе тѣ, про которыхъ говорятъ, что они „долго не уживутся“. И еще на такіе вещи хранится какой-то злой отгисскъ нудамъ. Насправдѣ, почему составилось предубѣжденіе, что дѣрежистъ серебро приноситъ несчастья? Да потому, что серебро больше всего идетъ въ ломбарды. Скажишь? А продайте-ка обь этомъ съ коллекционеромъ—ахъ тѣ не собьетелъ.

Куда дѣвались вещи? Неужели антикварный рынокъ въ самомъ дѣлѣ изскисъ, разнѣлся на такую пустяковъ въ родѣ коллекционирования марокъ, зубобокъ, ложекъ, солонокъ, трубокъ, бритвъ и т. д.? За послѣднее время самый нашъ коллекционеръ какъ-то измѣлчалъ, обуржуазился. Кто у насъ теперь не собираетъ? И чего только не собираетъ! Соблѣнъ обязываетъ каждого „приличнаго“ человека что-нибудь да коллекционировать. Вы можете стрѣпить въ лавочникъ старѣйшихъ нарядныхъ дамъ и благопопсаныхъ канцлеровъ, разглядывающихъ марку разбитой чашки и торгующихъ ржавую аляску сенатскаго чиновника времени Акана Аканѣвича. Всякая рухлядь теперь въ такой цѣнѣ, что къ настоящимъ вещамъ нельзя и приступить. Старьевщики сбываютъ ихъ либо за-границу, либо потихонку уступаютъ своимъ постояннымъ покупателямъ.

Окно открыто и Сокольскій, сѣвъ на подоконникъ, разглядываетъ монеты барона. Они похожи на лепестки какого-то жирнаго восковиднаго пѣтика и блѣдный рисунокъ ихъ понятенъ только знатоку. Хозяинъ измѣшнваетъ ихъ на аптекарскихъ вѣскахъ, затѣмъ протираетъ замшей, затѣмъ опускаетъ въ мысокъ бокалъ съ водой...

Баронъ Кровъ изумленъ:

— Что ты дѣлаешь?

— Возвращаю имъ душу!—вполнѣ серьезно повнѣтъ Сокольскій.—Это новгородскіе денги... „Серебро Волхова“... Ты говоришь, что ихъ нашли на берегу? Въ песокъ или въ илѣ? Это очень важно знать. Во всякомъ случаѣ, ихъ нашли въ бѣлѣзничѣ

...Окно было открыто и они курили послѣ завтрака, лѣживъ и дремотно прислушиваясь къ звукамъ города, который гудѣлъ издавѣка, какъ церковный органъ...

Окно было открыто—и часть набережной, на которую оно выходило, мостилась, а потому была заставлена рогатками и всякое движеніе на ней было прекращено. Теплый вѣтеръ кусками влеталъ въ накуренную комнату и приносилъ съ Невы запахъ воды, канатовъ и мокрыхъ шашекъ.

Три пріятеля, три холостяка, три соперника—каждую пятницу сходились здѣсь у Сокольскаго, завтракали, обмѣнивались впечатлѣніями недѣли и хвастали новыми приобрѣтеніями. Они были коллекционеры—стало быть, люди не совсѣмъ нормальные, маньяки, фантазеры и ревнивцы... Таковыми, по крайней мѣрѣ, рисуетъ коллекционеръ Мопсанъ, который устами одного безумнаго персонажа высказалъ собственное сredo собиратели: „Прошедшее притягиваетъ меня, а настоящее пугаетъ, потому что будущее—это смерть“.

Сокольскій собиралъ все: и мебель, и картины, и фарфоръ, и бронзу, и оружіе. Квартира его напоминала лавку антиквара, хотя самъ онъ былъ олицетвореніемъ жизни, силы, неселья. Въ клубѣ его недаромъ прозвали „Молодой Вахъ“, и Аронсонъ, по его заказу, почти портретно изображалъ голову пьянаго божка, увитаго виноградомъ и слегка посоловѣлаго.

Окно было открыто—и пароходики изрѣдка посылали дремлющимъ пріятелямъ тоненькіе свистки. Хриплые куранты Петропавловской крѣпости перенерили важный хоралъ Бортнянскаго и бойко стучали резанскіе топоры плотниковъ...

— Ну, что же у васъ новенькаго?—спросилъ, наконецъ, хозяинъ,—показывайте. Самъ я ничѣмъ похвастать не могу, крошкѣ развѣ воть этой штуки...

И онъ досталъ изъ жилетнаго кармана небольшой черепаховый медальонъ, внутри котораго была прелестная миниатюра.

— Это настоящей Изабѣ... Подписной... Я давно охотился за нимъ.

Пріятеля поглядывали и выложили свои покупки: баронъ Кровъ—нѣсколько старинныхъ русскихъ монетъ, а Горькій—дорогой дамскій портъ-бузъ съ змѣью и бирюзой.

Баронъ объяснялъ, что монеты достались ему совершенно случайно отъ одного новгородскаго помѣщика, строившаго что-то на берегу Волхова.

Классический

А. Д. и А. П. Чистяковы.

Соб. фот. „Сп. и Ус.“.

ОТЗВУКИ БЫЛОГО.

На одной из тихих и наименее пробужденных улиц Петербургской стороны, в громадном новом доме бакалейной торговли живет артистическая чета А. Д. и А. П. Чистяковых.

Она — бывшая артистка балетной труппы Императорских театров, в настоящее время слепая, но еще бодрый и разговорчивый старец; она — сама покинула из ряда здравствующих пенсионеров Александровского театра, небольшого роста старушка, с открытыми и ласковыми лицом, сохранившим следы былой красоты.

Это два главных москвича русской сцены. Она оба видели и каждый порознь представляють живую хронику былых времен, и их воспоминания и рассказы — это богатый материал для историко-художественного театра.

Александр Дмитриевич и Анна Петровна Чистяковы живут простыми. Настоящее им чуждо и они его мало понимают. Впрочем, и вся обстановка их квартиры, начиная со старинной мебели Николаевской эпохи и кончая развешенными по стенам фотографиями, портретами и драгоценными давно умерших святых русской сцены, напоминает об этом прошлом, которое носится в воздухе и которым пропитана вся квартира. Такова уже сила минувшего, оно часто поглощает настоящее, и его удушливый аромат убивает полыхающие свечки-символические свечки.

Мы сидим вокруг длинного стола, накрытого белой скатертью, и слепая старец говорит:

— Я родился в 1835 году, отец мой, его звали Чистяк, была артистическая актерская семья Шаховского, брат которого написал „Солъ на ну“ и „Душужинку“. У меня была своя театр, в котором ставились оперы, балеты и драмы, и была своя оркестр, составленный из дворянских. Мой отец был пѣвцом и драматическим артистом. Вослаблялись они играть даже с Мочаловым. Его царской ролью была роль президента в „Коварствъ и Любовь“.

Так как в нашем роду была вообще артистическая жидка, то и из меня вышла слабая артистка. В 1843 году я поступила, благодаря хлопотам

Ниченкова, который был женат на моей родной сестре, в Московское Театральное училище. В школу я застала Паскалева, который впоследствии стал очень известным, Петровых, Сорочина, Ермолова, отца Марии Николаевны Ермоловой. Были еще два брата Корешковых, которых Верстовский поручил составить оркестр из учеников школы. Кроме того, братья Корешковы участвовали и в балетах, и в драмах. Они были очень любимы друзьями и в „Рениоръ“ поразительно играли Бобинского и Добчинского.

Когда я пришла в Москву, то застала на сцене Мещерякова, Мочалова, Щепкина, комика Живкина, потом жемчужину Самарина, Пумского, Савоского. Савоский замечательно играл психических, так играть, как теперь никто из нас не умеет. Был скороговорник, какой-то говорил, я никогда больше не слышала. Был также Потанин, который замечательно играл действительного в „Рениоръ“.

Из артистов запомнились тогда Лыкова, Синица, комическая старуха Сабурова, Рыжикова. В „Горе от ума“ Тугоржанского играла обыкновенно Спиринкова-1-я, как и в „Горе от ума“. Когда Гусаров Николай Иванович пришел в Москву посмотреть „Горе от ума“, то была поражен его игрой и сейчас же велел его перевести в Петербург, а издать это такая роль, в которой и играть нечего.

Были еще, артисту Кавалерову. Когда Гусаров вышел в отставку, с артистами пришел заниматься новый директор, обоим всем, подходить к Кавалерову. „Как же фамилия?“, спрашивает. Она отвечает: „Кавалеров“. „Сколько лет служите?“, „Шестнадцать лет“. „Как шестнадцать лет?“, „Да, шестнадцать лет“. „Шестнадцать лет на Императорской сцене?“, „Да“. „Да что же это такое?“, восклицает директор и уходит, а она потом плакала и всхлипывала. Как вы думаете, она не выиграла меня? В 1846 тогда не спрашивали жидов, как теперь! Прослушала Кавалерова 60 лет и больше ничего. Вот как жила тогда артистка...

В мое время из театральной школы учил „чему-нибудь и как-нибудь“, но не специально.

Андр. Мих. Гедеонов.
Директор Императорских театров.
(Из театральн. журн. В. В. Протопопова).

овищаемы. Успехом! Тут же стояла Рожарь, ей стало
весь и она сказала Государю: «Они при вась, Ваше Вели-
чие будутъ вьсь». Тогда Государь сказалъ: «Ну, я отвер-
нусь». И отвернулся. А имъ моментально все и прикончили.

Наступила пауза, ее прервалъ г. Чистяковъ.

— А кука, Аникуша, расказжи твой настоящий первый дебютъ
въ драмъ.

Старушка повернулась на стулѣ, вся какъ-то съежилась и,
собравши воспоминанья, стала намъ повѣствовать въ мельчайшихъ
подробностяхъ о всѣхъ тѣхъ мытарствахъ, которыя ей пришлось
претерпѣть, прежде чѣмъ получить разрѣшеніе отъ Гелезова
сыграть первую общественную роль — роль Дуини въ пьесѣ «Не
въ свои сани не садись!».

— Наконецъ, наступилъ давно желанный вечеръ моего де-
бюта, — рассказывала Анна Петровна. — Поклонающихся у меня не
было никого. Значить подержки не отъ кого было ждать. А театръ
былъ биткомъ набитъ. Выхожу на сцену...

Тутъ голосъ старушки дрогнулъ и изъ глазъ брызнула слеза
при воспоминаніи о давно миновавшихъ волненіяхъ. Успокоив-
шись немного, она продолжала:

— Выхожу на сцену и пер-
вымъ, кого вижу — Надежду Ва-
силенну Самойлову. Хочу ей
что-то сказать и не могу. Тутъ
стояла моя пріятельница — Оле-
ксия. «Милая», говорю, «на
мѣнь, я дамъ себѣ капель!».

Пришла капля и я вышла.
Пришлось выходить на сцену.
Громозъ квалъ меня подъ руку
и вывелъ. Когда я увидѣла за-
натыи свѣтомъ и переполненной
толпой театръ, то изъ груди у
меня вырвался глубокой стонъ.
Кто-то захохоталъ. Начала играть.
Кончила сцену, и вдругъ гро-
мозный врывъ аплодисментовъ,
еще и еще.

Не позво уже, какъ допу-
щались до уборной. Въ антрактѣ
вбѣгаетъ ко мнѣ Катенька Осе-

кова и говоритъ: «Директоръ на сценѣ». Я накинула саломъ, да
такъ изъ саломъ и вышла на сцену. Федоровъ, забывши меня,
квалъ за руку и подвелъ въ Гелезову. «Ваше превосходительство,
вотъ наша молодая дебютантка». Гелезовъ посмотрѣлъ на меня и
похвалился: «Молодецъ, хвалю!».

Съ тѣхъ поръ я вѣсколько разъ играла «Не въ свои сани не
садись!», потомъ «Лаумукину», «Блѣдность въ порокъ!».

— Въ 1858 году Гелезовъ вывелъ въ отставку. Но передъ
тѣмъ, какъ уйти и передать любимое ему дѣло въ другія руки,
онъ рѣшилъ все же намъ повысить оклады.

— Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я получила мою при-
бавку. Дѣло было Великимъ постомъ. Я съ Громозымъ и съ Се-
сенинымъ пошла въ театръ на концертъ Александрова. Стою и за
худами, какъ вдругъ появляется Гелезовъ. Завидѣвъ меня, онъ
махнулъ ко мнѣ рукой. «Иди сюда». Я подошла. «Я слышалъ, —
сказалъ онъ, — что тебѣ прибавку дали?» «Не слыхала». «Сколько
вы изволите получать?», — спросилъ тутъ же стоявшій режиссеръ
Федоровъ. «Двѣсти сорокъ». «А знаете, сколько вы будете полу-
чать?» «Нѣтъ». «Семь сотъ рублей и еще три рубля разовыхъ».

Я молчала. Тогда Федоровъ
расхохотался и сказалъ: «Она
даже не благодаритъ». Я всмыс-
лила и отвѣтила Гелезову:
«Ваше превосходительство, на-
града такъ велика, что я не
могу васъ благодарить здѣсь въ
театрѣ. Позвольте принесть къ
вамъ въ квартиру и тамъ по-
благодарить васъ, какъ отца».
«Ну», — сказалъ Гелезовъ, — при-
ходите!».

Когда Гелезовъ ушелъ,
Федоровъ, который всегда былъ
въ тайнѣ моими врагомъ, измѣ-
нилъ ко мнѣ свое отношеніе и
продержалъ меня 23 года на
700 рублей жалованья и только
когда я начинала скучать — по-
вый режиссеръ, Яблоковъ, вы-
хлопоталъ мнѣ прибавку пенсії.

Н. Б.

Фанни Заславскія (1810—1878).
Изъ театрал. музея В. В. Протопопова.

КАКЪ ВЪ СКАЗКѢ.

Отъ рѣки бѣжитъ уклонъ.
Темный дѣсь со всѣхъ сторонъ
Сторожитъ здѣсь чѣлвкъ сонъ,
Пришлеца беретъ въ полонъ.

Дальше,—дальше!..

На пути стоитъ курень.
Ждетъ гостей и ночь, и день.
Кто-то въ шашкѣ на бекрень
Бродитъ мрачный, точно тѣнь.

Дальше,—дальше!..

Все безмолвно. Ни души.
Лишь у берега въ тиши
Что-то шепчутъ камыши.
Кто тутъ прячется въ глуши?

Выйди,—выйди!..

Вотъ и замокъ... Вотъ цѣfty...
Замокъ—словно изъ мечты.
Царь-дѣвица, гдѣ-же ты?
Въ обаяннѣ красоты

Выйди,—выйди!..

Но отвѣта нѣтъ на зовъ.
Замеръ звукъ упавшихъ словъ.
Водятъ стѣны—глубокой ровъ.
Ни дверей тутъ, ни мостовъ...
Дальше,—дальше!..

В. Умановъ-Капулевскій.

СТАРИННЫЙ МОТИВЪ.

Королева—блѣдна,
Королева—больна,
Королева отъ гнѣва дрожитъ...
Въ сторонѣ, одиноко,
Голубой василекъ—
Юный пажъ, пригорюнясь сидитъ...
Королева—блѣдна,
Королева—больна,
Королевская грудь, какъ морская волна,
Въ пльнѣ кружевъ воздымается, гнѣвомъ бурля...
Король сегодня всю ночь напролетъ—
Снялись: маленький пажъ— «Голубой Бернадотъ»
И... костью короля!..

Н. А.

МОЕ САМОЕ НЕПРИЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Рис. Ривина. (Country Life).

(Продолжение).

VI. ВОЙНА!

Наша "Конингсбург-Экспресс" изъ экономія не абонирована на новости мира по безразличному телеграфу, как пароходы английские, немецкие и французские, она не имѣетъ права "улаживать" эти новости. Но однимъ изъ желающихъ съ нами австрийцевъ получена сейчасъ частная марконтрама:

"Австрія объявила войну Сербіи. Выказываете, какъ можно скорѣе въ Вѣну".

Это была первая тревожная вѣсть...
Въ Алжирѣ, куда мы пришли на разсвѣтъ 14 июля, извѣстіе подтвердилось только отчасти.

"Еще не имѣется официальнаго свѣдѣнія относительно объявленія войны, но Россія, Австрія и Сербія мобилизуются".

"Франц-Иосифъ шутитъ плохими шутками. Онъ бросаетъ одну посланку Европы на другую..."

...шутитъ мѣстными газетамъ...

Уже чувствуется тревога, хотя всѣ еще вѣрятъ, что какъ-нибудь уладится, на ряду съ тревожными статьями пишутъ о возможной конференціи великихъ державъ, всѣ еще надеются...

Глядя на этихъ голландцевъ, я несомнѣно думалъ, почему никто не хочетъ избирать совершенно беззащитную богатѣвшую тропическую Голландію? Почему можно избирать, занимать и аннексировать только западные славянскія страны? Я говорилъ вѣдавшему съ нами австрийцу:

— Послушайте! покажите вы взять у Голландіи Яву, возьмите у Португаліи Мадейру и Канарскіе острова, возьмите у Бельгіи Конго — вѣдь эти же страны беззащитны и за нихъ Россія не вступается"...

Австриецъ смѣлся, мы оба смѣялись.

16 июля, утромъ, пришли въ Геную.

Скитались за газетой.

"Австрія объявила войну Сербіи" — официальное сообщеніе.

Куда вѣзть?..

Саломѣебагасы въ Россію черезъ Миланъ—Австрію.

Желандорфские агенты качаютъ головами, багажъ брать только до Милана.

"Въ Австрію вѣзть опасно! Война съ Россіей возможна каждый часъ!" — говорятъ итальянцы.

Другіе, принимая къ нашимъ постояннымъ уступкамъ и миролюбивости, категорически заявляютъ:

"Войны не будетъ, Россія не начнетъ воевать, а Австрія должна раздѣлить только Сербію!"

Телеграфіру въ Парижъ, чтобы оставили билеты на первый отъѣздный порѣзъ-экспрессъ. Рѣшили вѣзти въ Парижъ: отсюда легче попасть въ Россію черезъ Германію, или, въ крайнемъ случаѣ, черезъ Англію. Въ Вестминстеръ билеты на право поѣзда въ Парижъ не оказались, несмотря на успешныя хлопоты. Остаткомъ на день въ Монте-Карло. Заказываемъ по телефону въ Ниццу билеты на завтрашній поѣздъ.

VII. АЛЖИРЪ.

Издали блещитъ на яркомъ солнцѣ терраса спускающаяся къ морю городъ. Глаза слѣпятъ отъ блеска: все блещетъ — и

дома, и стѣны спусковъ, и зонтики надъ экипажами, и даже сама почва.

Къ нашему пароходу подводятъ понтоны и по нимъ спускаютъ на берегъ, уплативъ по франку.

Франція, Франція совсѣмъ — хотя и съ отпѣнками арабскаго города. Я былъ въ Алжирѣ 10 лѣтъ назадъ — этого арабскія отпѣнки ставъ еще слабѣе.

Ничего подобнаго Танжеру или Тунису. Довольно пыльно и душно, хотя улицы и поливаютъ время отъ времени изъ большихъ авто-истерны.

Касба, дворецъ губернатора, мечети, арабскія кварталы и соборъ Notre Dame d'Algerie, и т. д. вся программа туристовъ.

Вспоминать кто то. Инемъ финиковъ, но ихъ нѣтъ — будутъ только въ сезонъ — въ октябрь, по 5 франковъ большой вѣшокъ. Сейчасъ превосходный виноградъ и персики. За два съ половиною франка набрали цѣлую корзинку, такъ же дешево, какъ и въ Португаліи (откуда вѣзешь).

Въ Jardin d'Essai грязно и пыльно. Въ алжирѣ финиковъ все засыпано желтыми листьями, пальмы пылаютъ, точно по утрамъ имъ метутъ улицы.

Сейчасъ мертвый сезонъ; оканчиваясь зимой, когда пріѣзжаетъ много американцевъ и русскихъ, когда открыты театры. Пріѣхавъ, говорить, съ каждымъ годомъ больше.

Видимо, въ разсвѣтъ особенно на пріѣзжихъ открыты здѣсь школы ковровой искусства. Пускаютъ безплатно, но очень удѣлительно хвалятъ вышитыя дамскія блузки, которые тутъ же продаются. Тутъ ковры арабскія женщины и дѣвочки, уже давно за-

бывши, что нужно прятать лицо отъ мужчинъ, во зло разбѣгающихся, когда хочешь ихъ фотографировать.

Старый арабъ въ бѣломъ бурнусѣ вѣзетъ на осликѣ съ базара, другой за осликомъ вѣзетъ возокъ, третій гонитъ сразу шесть осликовъ, груженныхъ мусоромомъ... Почему осли сталъ считать гауптомъ, гаупте другіхъ животныхъ? Сами мѣрзая твари...

Потому, что они никого не трогаютъ.

Также глупѣе заявлять и опять такъ потому, что они тоже никого не трогаютъ. Нужно трогать, боксомъ въ носъ — это житейская философія не только нашего времени, она велела свое начало съ древнѣйшихъ временъ...

Такъ приятно изъ пыли опять на пароходъ.

Въ порту три французскія пассажирскія парохода. Вѣзая показывались какое то военное судно.

— Наши, наши...

шутитъ кто то на ялудѣ:

— "идутъ занимать Алжиръ".

Какъ абсурдно и какъ возможно!

Штукъ десять арабскихъ парятъ около нашего парохода за мѣдными монетами, набиваютъ изъ въ ротъ, у себя уже больше флюсы. Фырчатъ, крохоты, дерутся, вѣздъ, какъ выдры.

Одинъ поднимается въ арабскія лагуны съ товарищемъ колотить его по спине и все обидается благополучно. Чтобы утѣшиться, что монета не проглотится, онъ пересчитываетъ бывшій у него въ ру-

ка старая голландка въ ужасѣ исплескиваетъ руками и хватить на

Марокко. На базарѣ.

(Фот. автора).

Алжир. Тяжелые алжирских ковров.

руки своего внука, который за эти дни съел уже медведя, лоса, корову и еще какое-то неизвестное животное из того же материала.

Выходим в море. Завокз зоветь завтраха. Опять будет суп с перцем, тушеный салат, голландский сыр и ангусти.

VIII.

ВЪ МОНТЕ-КАРЛО ПЕРЕДЪ ВОЙНОЮ.

Въ Монте-Карло все то же, все та же безумная игра, все те же люди с перевернутыми мозгами, ищущие здесь счастья.

Только совсем пусто и грязно. Передъ самымъ казино взрываютъ скалу, строятъ большой подземный вестибюль для казино и новый тоннель для приближающихъ въ этотъ вертепъ. Сверху будетъ разбитъ роскошный садъ съ фонтанами.

Въ игорныхъ залахъ пусто, больше пусто, чѣмъ обыкновенно было въ это время. Какъ-то тревога уже виситъ въ воздухѣ, хотя здесь еще никто не вѣруетъ въ войну. Пять-шесть джентльменовъ и ашъ остальные люди прѣехали исключительно выиграть. Это несчастная категория посетителей этого притона. Они сидятъ тутъ лениво, сидятъ вслѣдомъ, у столовъ, съ треснувшими отъ волнения руками, въ грязной одеждѣ, немые, избитые, и все играютъ...

Въ вестибюль казино выкладываются послѣднія телеграммы. Изъ парижъ заглядываютъ, чтобы узнать, была ли война. Тяжелъ, кто прѣѣхалъ сюда, хотѣлъ только играть, и потому они вѣруютъ условительнымъ телеграммамъ, а приключенье не вѣрять.

Утромъ со столовъ рулетки убрали золото. Нера пошла на серебро и бумажки. Игроки этого тобою не замѣтили. Это не побуждало никакой тревоги, всѣ въ казино-то олухури отъ игры, отъ жадности выиграть, отъ потери послѣдняго. Я бывалъ здесь десятки разъ, никогда не было такъ очевидно это олухурие, какъ сейчасъ.

Я попробовалъ развѣять на золото сто франковъ. У пяти столовъ отказались, у шестого и довольно рѣзко потребовали объясненій, тогда мнѣ дали пять дукъ, лишь бы не было шума, лишь бы игроки не обратили вниманія. Нужно, чтобы игроки не уходъ изъ казино.

IX.

ХРОНИКА МОНТЕ-КАРЛО.

Мнѣ рассказывалъ одинъ монегаскъ, служащій при казино восемнадцать лѣтъ (а живущій тутъ 32 года), что онъ тоже не выдалъ людей, которые выиграли въ Монте-Карло большую сумму. Исключений не бывало.

Нѣтъ людей, выигравшихъ тутъ состояние. О нихъ все кто говоритъ, но никто никогда не выдалъ слухъ.

Замѣтите всего по большому протиранию, къ сожалѣнію, русскіе. Насчитываютъ десятки фамилій, протирания которыхъ больше милліона франковъ.

Отначалу въ послѣдніе три года „се тисне“ Се — въ, протирывающій изъ года въ годъ сотни тысячъ.

Тотню оброчиваютъ монегаскому принцу*, — протириваютъ монегаски и крупно. Впрочемъ, это не монегаскому принцу, а большому парижскому банкиру, у которыхъ три четверти акцій игорного дома.

„Дѣла плохи послѣдніе года“, — жалуются въ мѣстныхъ отеляхъ и кафе. Но это „плохо“ выражается все растущими издержками казино. Въ 1913 году выручено на 4 милліона больше 1912 и больше вѣтъ предположить лѣтъ. Хотѣли бы, разумеется, еще большаго роста, и съ этой точки зрѣнія плохо.

Игроки въ послѣдніе годы демократизировались, поважились играть массы среднего достатка. Эти несчастные люди оставляютъ свои деньги пѣшкомъ на игорныхъ столахъ, а не тратятъ ихъ въ заведеніяхъ, дорогихъ отеляхъ, ресторанахъ, кафе, театрахъ, — не берутъ автомобилей, не покупаютъ драгашинствъ, дукъ и шпильки. Они прѣѣзжаютъ пѣшкомъ, кое

сдадутъ часто до вечера. Единственный случай, когда изъ казино была увезена еще не вернувшаяся милліонъ, произошла два года назадъ.

Это были американцы. Они прѣѣхали сюда цѣлой компаніей, много протерли и уехали. Остается много и доиграется до того, что его вышлютъ изъ отеля. Это по прѣѣзжалъ ему изъ Америки вѣкомъ до десяти тысячъ франковъ, онъ заплатилъ по счету и началъ спокойно играть, ставя сразу всѣ, а то было въ карманѣ... Вѣкомъ вѣкомъ дней невѣроятно. Однако пошелъ выходялъ подъ рѣдъ три раза, и три — и вѣкомъ показывать „се тисне“ по 11—12 узоровъ...

За ночь толкая тѣмъ. Изъ вѣстрѣ казино переключились. За это стоило удержать себя, мѣтили прѣѣхалъ каррей, мѣтили крупно — ему все вѣкомъ... Онъ выигралъ около трехъ милліоновъ франковъ. Бѣжалъ съ этой покаялся американца, — которую и вѣстрѣжалъ вѣкомъ разъ раньше и лѣтъ, и въ Парижѣ, и въ Нью-Йоркѣ — оставалъ его вѣкомъ прѣѣхалъ вѣкомъ 200.000 милліонъ въ американскій банкъ.

Все остальное было проиграно, когда сытые возмужали. Съ этой вѣдомъ онъ уѣхалъ и больше его здесь не выдалъ. Жутко!

Этотъ единственный случай, случалъ необычайный, когда деньги

Алжир. Арабчата плаваютъ у парохода и ныряють за монетами.
(Фот. автора).

Алжир. У здания почтамта.
(Фот. автора).

H N C T M E F T
 A N T H E N A P R E T A
 A S E

из второго дома. Все остальные игроки проигрывают. Вы знаете кого-либо, кто выиграл однажды, то он наверняка раз уже в другой раз, но только не хочет сознаться в этом. Проигрывать по математическому закону, а математика самая точная из наук...

Уже в Бухарестъ я прочелъ въ газетахъ, что казино Монте-Карло закрыто. Держались, пока была малѣйшая возможность. Казино закрыто впервые за пятьдесятъ лѣтъ! Оно закрыто только одинъ день въ году, въ день именинъ монакаго принца. Теперь, пока окончится война, принцъ будетъ праздновать все время свои именины...

Х.
ПАРИЖЪ НАКАНУНЪ ВОЙНЫ

Одним из Парижа.

Вашим специальным изданием газет. В Тулон тоже, из Марселя тоже. Настроение тревожное, но войны нигде не видно, с оккупацией Франции еще никто не говорит. В войну еще никто определенно не вступит. Но если допустить какое-либо предчувствие, то именно это предчувствие из воздуха — неопределенное, мистическое, предчувствие чего-то серьезного, громадного. У нас в спавшемся городе не горят огни, полная темнота, и никто из пассажиров почему-то не протестует, у всех молчаливое чувство, что так, и должно быть.

Въ Парижѣ на Монскомъ вокзалѣ насъ встрѣтилъ знакомый парижанинъ.

— У васъ есть золото?
— Какое золото? О чемъ вы говорите?
— Золотые франки! Бумажекъ не берутъ, всѣ банки закрыты, не только не платятъ по кредитивамъ, но уже не выдаютъ кредитовъ.

Это ошеломляющее известие быстро довозвращается все новизны. Голова кружится оттого, что слышишь и видишь. Показ уже не так, только во белогорской границе.

— Какъ до бельгійской границы? У насъ въ карманѣ билеты на сегодняшний поездъ-экспрессъ!..

— Показ идти только до Верны, багаж не принимается, — закричал на Северном вокзале.

Всё растеряны, всё потеряли голову, у вокзала толпа в несколько тысяч человек. Одни поднимают из вокзала, другие отталкивают, возвращаются, снова утрачивают. Сотни людей стоят растеряно у груды своего багажа. Унести обратно с вокзала его тоже трудно. Всё автомобили заругут кула-то погрозятся, извощников тоже стало меньше и всё они завяты.

А, между тѣмъ, еще не объявлена война въ Россіи, еще нѣтъ мобилизаціи во Франціи и Германіи. Но война уже въ воздухѣ, ее, помимо разума, почувствовалъ вѣдуть вѣтъ.

Рыжиком было хватать на
риске из Верные, будь что
будет. В это время аспри-
чем: только что вернувшись
из Бельгии. Они выехали еще
вчера днем и уже не могли
проехать в Германию.

У банків більшість толпи, ждуть видати вкладів. Оскільки заперти, повинні охораняють входи, пропускають тільки по одному. Другі банки уже счасом закриті.

У русского посольства тоже такая. Вещ просить совета. Никто совета дать не может. Уже стало ясно, что путь из России отрезан. У многих нет денег, ни остается совсем мало. Разчитывали на кредитные деньги, а теперь не платят. Русские деньги и первыми, а по ним банки уже не платят. Русские деньги кое-где еще принимают, хотя несомненно, по 150 франков за сто рублей идут только бумагами, а наличными уже нет. Из газеток объявляют, что можно по 150 франков за 100 рублей, а в действительности 5-франковые и 20-франковые банкноты, по сути уже нет, бумажек не принимают. И сейчас кафе и рестораны объявляют:

«В уплату принимаются только металлические деньги».
На улицах суматоха. Парикмахеры в шинели. Война! Война!
на улицах у входа. Вчера еще в войну не вступил, сегодня

дня, 19 июля, вдруг родилась уверенность, что война неизбежна.

Остаемся пока в Париже. Может быть, выйдем завтра в Россию через Америку.

Минусы из 40-силкового Реко за городъ. Дорога возмутительная, врозь нашиа выхлзовъ изъ Петербурга. Удивительно, что досюда Фрэнцишъ преносталъ възтъ крокъ сдѣланнаго Р.

[illegible]

Действительно, звонили во всея церкви, но объявлена еще не война, а общая мобилизация Франции. Войны еще нет, но она будет—это уже все знают.

Въ Maisons Laffitte тишина. Где-то вость собака и слышен рожок, играющий сборы. Тишина, от которой мурашки бегут по спине. Не слышишь действительности—Европа въ огни, культура Европы XX века сплось военный лагерь.

Шофери поїхали на стоянці за номером „Тетра“, по вернувшись без газети, киоски закриті. Рідше сидять їх власники і плачуть. Мужик, брати, синівки ухилили сь поїхали в 6 час. 30 мин. на войну. Мобілізація була обявлена в 5 час. в 6 час. 30 мин. уже отошли на восток поїзда сь резервистами. Поїхали поїхали.

Помещение железнодорожной станции предоставлено резервным. Мы сидим здесь с 10 час. вечера и ждем поезда на Париж. Ждем уже час, два, три — поезда нет. Миню несутся освещенные поезда из Парижа, не останавливаясь на этой станции.

по въ Парижа побѣда все шло. По полутемному дебаркадеру группами стояли резервисты. Они приходило по одному, по двое, рядомъ съ ними жены, матери. Одному облокотилась на плечо женщина и тихо плачетъ. Рядомъ съ другими старая французская дѣлано смѣется, ей хочется показать, что она нисколько не опечалена. Кое-кто шутитъ.

— «Въ Берлинъ пять нильзевское пиво!»*

— На 24 часа я обезпеченъ, товарище,—обращается онъ ко
мнѣ.—А такъ придется понюхать еще можжевельникъ...

Ночь. Тишина и роковой
гуд-то вдали.

Такое настроение не забываете до конца жизни.

Сидим из Парижа из-под давящего неба. Наступил уже третий день. Сегодня 20 июля. Сидим потому, что некуда ехать, нетъ поезда, все заглохло, нетъ работы, нетъ мобилизации, — сидим и потому, что нетъ денег: до аккредитивов не платят, переводы не получают.

Монте-Карло. Вид из окна „Hotel de Paris“; направо казино, влево видна сграда, которой прикрита площадка, где взрывают снаряды.

(Фиг. 4. Автор)

ремь из Ньюкастля или Гулла в Берген и оттуда пропарав-
ленеть Швецию домой.

Усталые, измученные на зовы Алемы из Бузони борются с Париком. Сообщение по Ламану прервано...

тельны и поэтому слышишь одинъ голосъ *В.А. Крыловъ.*

Atropa scabra ex Lindl. Ny.

Замокъ въ Подгорцахъ со стороны задняго фасада.
(По чертежу конца XVIII ст. изъ собранія чертежей короля Станислава Августа).

ПОДГОРЦЫ.

(Усадьбы Галиціи).

Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Львова (черезъ Злочевъ, откуда прекрасная прогулка на фіакрѣ (1¼ часа) находится деревня Злочевской волости*). Здѣсь замокъ — одинъ изъ лучшихъ во всемъ Польскомъ краѣ, извѣстный своими памятниками старины и прекрасно сохранившійся.

Замокъ расположенъ на плоскогоріи, передъ которымъ тянется чудесная долина рѣки Стири. Онъ — двухэтажный, съ двумя боковыми павильонами, окруженъ глубокимъ ровомъ и мощными крѣпостными стѣнами изъ тесаннаго камня. И укрѣпленія, и самый замокъ выполнены въ стилѣ Возрожденія. Основанъ онъ въ первой половинѣ XVII вѣка, когда владѣтелемъ этихъ мѣстъ былъ Станиславъ Конецпольскій, гетманъ великій, коронный († 1646). „Для отдыха и сладостнаго времяпрепровожденія послѣ трудовъ военной жизни“ построилъ онъ этотъ дворецъ. Имя архитектора осталось неизвѣстнымъ. Можно лишь предполагать, что имъ былъ Велірип, придворный зодчій гетмана, не щадя средствъ строившаго замокъ „на славу всей Польши“.

Яковъ Собѣскій, повоева бѣлскій, сосѣдь Конецпольскаго, восхищенный Подгорцами, сочинилъ даже въ 1640 г. поэму въ честь замка. Онъ говорилъ: „О чемъ Русь только до сихъ поръ смѣшала, Подгорцы“.

Во время казацкихъ войнъ замокъ не мало пострадалъ.

Сынъ гетмана, Александръ, реставрировалъ замокъ и придалъ ему еще больше великолѣпія. Во время

турецкихъ войнъ замокъ совершенно случайно не былъ преданъ разрушенію.

Въ 1682 г. Станиславъ Конецпольскій, внукъ гетмана, будучи бездѣтнымъ, въ преклонномъ возрастѣ подарилъ Подгорцы королевичу Якову Собѣскому.

Послѣ смерти короля Яна III, при раздѣлѣ цѣлѣ Подгорцы перешли въ собственность Константина Собѣскаго, который переуступилъ его Якову въ 1725 г. Станиславу Ржевускому.

Ржевускій отдалъ Подгорцы младшему сыну, Вацлаву.

Его заботамъ и обязаны Подгорцы своими богатыми коллекціями.

Живя здѣсь постоянно до 1767 г., онъ сдѣлалъ изъ замка въ Подгорцахъ средоточіе богатѣйшихъ собраній: книжныхъ, картинныхъ и археологическихъ. Онъ устроилъ здѣсь цѣлый музей оружія, собирая всѣ памятники старины, связанные съ жизнью Собѣскаго и разбросанные по всей Польшѣ.

Въ 1767 г. Ржевускій отправился на сеймъ и оттуда уже больше не возвратился въ родину. Ему Подгорцы, — его, вмѣстѣ съ сыномъ, захватили и сослали въ Калугу... Всѣ богатѣйшія собранія и сооруженія, бывшія въ замкѣ, были преданы заб-

Залъ въ Подгорцахъ.

теперь будетъ имѣть въ

венію...

Часть имѣнія перешла даже въ другія руки. И только послѣдній потомокъ, гр. Лейбъ Ржевусскій, удержалъ замокъ отъ окончательнаго разрушенія и вещи, уже проданныя, пернулъ обратно. Умирая,

Ржевуский распорядился весь замок вместе с колесницами передать князю Евстафию Сангушке, с обязательством, однако, на доходы с имения реставрировать замок, привести в порядок коллекции, а затем их пополнить и поддерживать.

* * *

Величественный замок сохраняет ныне почти все свое былое величие.

На возвышении — здание с чудным партером пестрого, окруженное стенами и рвами.

Стены украшены чудесными портретами; из них Августа II и жены его, Жозефина — лучшие; в углах — оружие. Здесь же входы в винные погреба. Надвход — приемная, в которой висит турецкое знамя. В столовой — другое турецкое знамя, взятое под Вной. Здесь же фамильные портреты Ржевуских. В кабинете еще части знамен. И даже в спальне комнаты — турецкое знамя. Но самое большое знамя — в зале. В гостинице находится знамя, взятое под Хотиню.

Видимы во дворе.

Здесь обращают внимание, находящиеся на одной из площадок, чудесные солнечные часы с надписью "Hoc est ultimum" ("здесь, час может быть последний").

В первом этаже, во всем одиннадцати залах размещены богатейшие коллекции, составляющие целый музей.

Обращает на себя внимание и передняя рыцарской залы, где когда-то находилась стража. Стены этой комнаты теперь почти сплошь покрыты портретами и картинами религиозного содержания. Особенно интересны: портрет Адама Сенивского (последнего в роду); Ходкевича, С. Конешольского, основателя замка, А. Чарторийского, князя Сапег, Б. Хмельницкого, Шеняцкого, епископа Львовского и основателя собора св. Юра во Львове.

Плафон расписан придворным художником Ржевуских — I. de Ваапом: это мифологические сюжеты. Здесь же удивительная кафельная печь и мебель с гербами Ржевуских 12.

В оружейной — неопытные и единственные в своем роде памятники, которыми Подгорцы могут гордиться больше всего: здесь 40 полных вооруженных "крылатых гусаров", панцирные рубашки, покрывала и наголовники легкой польской кавалерии, луки 1699 г., со всем их первобытным устройством, гетманские штандарты, дамасские сабли, взятые под Вной, янчиры, коври. Мебель в этой комнате (стиля Людовика XIV) покрыта даунской кожей, позолочена и является собою чрезвычайно пышный вид. Здесь помещается замечательная картина Dolabelli, привезенная из б. Заславского замка князем Сангушкой в 1872 г. и изображающая сюжет из русской истории (1611 г.). Здесь же портреты многих знаменитых людей Польши: Потоцких, Залуского, основателя первой публичной библиотеки в Варшаве (1748 г.); вывезенный в 1793 г. в Петербург, где она и послужила основанием нашей Императорской Публичной Библиотеки), Марии Лещинской и ее мужа — Людовика XV; по стенам роль

фресок (обои на полотне), изображающих, что было типично для конца XVIII века, виды западно-европейских городов.

Далее, находится зал, еще более красивый: здесь на атласном фоне висят картины итальянской школы: Тициана, Караччи, Корреджо, Луки Джордано, Боргоньоне; люстра из венецианского стекла. Тут же удивительная печь необычайных размеров — бело-голубая кафельная, выдвинутая в Давиде, изображающая гербы Ржевуских. Интересно каменный старопольский. Мебель времени Собеских — барочные диваны, присланные в дар из Франции, диван и кресла эпохи Людовика XIV, обитые атласом и отороченные золотым галуном. Прелестны деревянные разные подставки, которые тогда всюду употреблялись вместо позже вышедших в моду серебряных и бронзовых.

Стены китайского зала убраны мрамором и особаго рода росписью (из черных и золотых масс). И здесь интересна мебель XVIII и XVIII веков.

В золотом зале много старинных полотен. Мебель здесь тоже эпохи барокко.

Зал зеркальный убран венецианским стеклом, прекрасно выделяющимся на фоне турецких материй. Рядом мозаичный кабинет, наполненный предметами меуарного значения: кровати и столы Яна Собеского. Отсюда выход на балкон, с которого открывается очаровательный вид на окрестности —

один из обширнейших в Галиции; холмистый и покрытый лесами пейзаж напоминает окрестности Каменец-Подольска или Виннивеца, какими он был до вырубки лесов.

Через спальню вернемся в золотой зал. В вестибюль залы, в шкафах богатейшие собрания фарфора, венецианского стекла. Особенно примечательны два птицы из фарфора, агатовый сервиз, необычайной тонкости стекла бокалы и "лукеры" с гербами (четыре-литровый лухар из Варшавы). В золотом зале, стены которого обиты желтым атласом, много картин, изображающих сюжеты из русско-польской истории. Здесь самые старинные кресла и столы XVII в.

Далее часовенка, очень уютная и роскошно отделанная льняными работами. Из часовни выход в зеленый зал, где размещена галерея Симона Чеховича (97 картин).

Во втором этаже в XVIII веке было столько же комнат, как и в первом, также прекрасно убраных. Здесь был балый зал, но от убранства его почти ничего не сохранилось. Лишь обломки мебели, повозок (Любомирских), части знамен и древности. В комнате над золотым залом был театр: здесь и сохранились части театральных декораций, машин и инструментов XVIII в.

* * *

Подгорцы лишь лучшая из усадеб Галиции. Но в этом богатом крае находится и столько подобных и очень много усадеб, всеобщих.

Георгий Лукомский.

Замок в Подгорцах со стороны фасада.

„МАДОННА БЕНУА“.

Приобретенная в 1913 году Императорским Эрмитажем у г-жи Бенуа „Мадонна с дитяком“, по одним сведениям, куплена ею дядею в Астрахани в начале прошлого века у каких-то бродячих музыкантов, по другим — эта картина некогда находилась в собрании графов Ковалевских.

Творец этой Мадонны вызывает великого Леонардо да Винчи. Картина возбуждала большой интерес как среди русской и иностранной печати, так и между учеными и знатоками искусства. Большинство склоняется к тому, чтобы считать „Мадонну Бенуа“ выдающимся произведением ювенильских лет Леонардо да Винчи, но есть и другое мнение, отрицающее принадлежность ее кисти Леонардо.

Прежде чем решиться затратить на покупку этой Мадонны 150.000 руб., Императорский Эрмитаж обратился ко многим выдающимся ученым и специалистам для выяснения вопроса об ее творце. Полученный таким образом разносторонний художественно-научный материал был структурирован бар. Н. Н. Врангелем и передан в виде отдельной брошюры.

Мнение таких выдающихся знаменитых ученых, как профессора Римского Университета Адольфо Вентура, директора генерального управления искусств в Италии Коррадо Риччи, профессора Луиджи Кавенги и других, сводится к тому, что „Мадонна Бенуа“ является несомненно выдающимся произведением Леонардо, со всеми типическими и характерными признаками его

гениальной кисти, относящимися к раннему периоду его творческой деятельности.

В противовес этому существует другое мнение. Представителями его являются г. Тисль и, особенно, академик Н. П. Кондаков, лично занимавшийся обширными трудами по систематизации исторической иконографии Богоматери и сь этой целью изучавший типы мадонн в итальянской живописи.

Кондаков склонен видеть в „Мадонне Бенуа“ признаки чужей то работы сь итальянского оригинала, в особенности это ядро сказывается в чуждой итальянской живописи чертах сложного лица дитя, а также в инословных реалистических подробностях, как например, малость запястных коленок, ставшая резко противопоставлена от расплывшихся обычных коленок, в объясняющих в этом отношении „Мадонну Бенуа“ сь Богоматерью, изображенною из жизни из Ватиканских ковров, исполненную по Филиппу по рисунку Рафаэля.

Разгоревшаяся война об этом произведении свидетельствует об его высочайшем художественном значении, в виду чего „Мадонна Бенуа“ является особо интересным памятником итальянского искусства.

Доступность ее обозреть в галерей Императорского Эрмитажа дает возможность, в будущем, окончательно выяснить спорный вопрос об ее творце.

Елиза. Федина, Давидова, рожд. граф. Сумароков-Зыбиста, работав в организациях Кръстното Кръсто.

Граф. Е. Н. Адлерберт, тов. Исконд, жена Петроградского Губернатора, работает в организации Красного Креста.

Баронесса Нат. Влад. Шеллинг,
фрейлина Государыни Императрицы,
возгладила сестрой милосердия из санитар-
ных войск Общественной Органи-
зации.

Дамы, работающие на раненых, пожинают у жены Министра Юстиции М. Ф. Щегловитовой.

Среди присутствующих: М. Ф. Щегловитова, О. Н. Тешеръ, дочь Португальского посланника Баталя-Рейса, Е. Н. Вунчъ, А. А. Чипина, Е. А. Шенферъ, Л. А. Желтская и друг.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Датский лазаретъ.

Среди присутствовавших на открытии лазарета: датский посланникъ Г. де-Савениусъ, его жена А. С. де-Савениусъ, К. П. Беннигсвасская, Л. Лангбергъ, Н. П. Юрь, Л. Гавиель; сестры А. П. Корольева, В. Шваля, К. Нильсонъ и др.

ИЗЪ ДРУЖЕСКИХЪ БЕСѢДЪ.

Мы закончили послѣдній роверъ „action bridge“, когда въ нашу клубную гостиную вошелъ Камелонъ въ smoking и въ черномъ галстуѣ.

Откуда?—спросилъ кто-то изъ насъ, не поднимая глазъ отъ карты, такъ какъ онъ собирался объявить „безъ козырей“.

Изъ мѣста аэличаго, хотя и аэполоннаго,—отвѣтилъ Камелонъ, усаживаясь въ глубокое кресло.—Я обѣдалъ, тутъ, въ одномъ рестораничкѣ, по близости отъ васъ. Этотъ „трактиръ“, гдѣ развѣсивъ торжоны легкимъ и шампанскимъ, сталъ моднымъ за послѣднее время...

— Благодаря членству дипломатическаго корпуса, а также услуживающему *maitre d'hôtel* съ манерами „petit maitre“, благо-

бенно оладъ изъ нихъ. Воображаю, какъ онъ былъ бы хорошъ изъ большого плаща „пайта старой стѣны“ и въ шеровой шапкѣ а-ля Ринальдо-Ринальдини.

— Еще кто?

— Бельгійцы, о которыхъ еще Юлиа Цесаръ сказалъ, что это самый храбрый народъ въ мѣрѣ, шлемъ, ружьемъ...

— Не хватать только...

— Те... о нихъ теперь не говорятъ, но о нихъ когда-то думалъ тотъ англичанинъ, который сказалъ: „дипломатъ, это господинъ, которому платятъ за то, чтобы онъ лгалъ на чужбинѣ“.

— Humble dix! воскликнулъ тотъ изъ насъ, которому всего больше „весело“ въ этотъ вечеръ.—Но продолжайте...

Кромѣ дипломатовъ въ „модемъ“ ресторанахъ въ эти часы обѣда собираются повзрѣть столяковъ, украинцевъ, коринианъ съ хромостепами и флажковъ „соконыхъ державъ“, много представителей петроградскаго общества. Конечно, далеко не всѣ онѣ принадлежатъ къ „санкциямъ“, но... а санюкъ не люблю. Къ сожалѣнью...

— Какъ, къ санюкамъ? Развѣ существуютъ эти на вашей картинѣ?

— Увы, даже въсамаго! Первое явное—это провинциалы; не помнящие провинция, а богатые провинциалы большихъ городовъ, которые еще не твердо знаютъ, когда и для чего была выдумана нѣка, и въ какомъ размѣрѣ можно пользоваться любезностью... Заѣдемъ мѣся совершенно оторваться скромный интъ и сгруппировать токъ интъ публики. За мѣсяемъ исключеннымъ, мужичи и женичи ослѣплены бѣдѣ чмъ просто, почти неразумно. Переодѣлись къ обѣду принарядъ на умъ немощны...

А между тѣмъ въ Петербургѣ такъ много красивыхъ женщинъ! Что нѣтъ недостатка? Застѣнчивыя парни...

— Менѣ ронъ тѣхъ дамъ—сказать кто-нѣ. Но моя нѣка, а нѣкаго-нѣка хрескаго въ черномъ фракѣ. Это-нѣка нѣка нѣка нѣка.

— Плато.

— Не всегда. Существуютъ дѣки, которые одѣваются и одѣваются съ большимъ достоинствомъ.

Какъ-то разъ я ѣздилъ въ „Стой Express“, гдѣ, какъ вы знаете, существуютъ только члѣны нѣкаго нѣка. Со мной ѣздилъ мой нѣка, для котораго я ѣздилъ нѣка въ члѣнскомъ нѣка. Хосъ и нѣка, что „П у а рѣи се

ХРОНИКА ПЕТРОГРАДСКОЙ ЖИЗНИ.

БРАКОСОЧЕТАНІЯ.

(ДО ВОЙНЫ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ).

Нина Ниж. Юшова, рожд. барон. фонъ-Штемпель.

Поручикъ Л.-гр. Кирасирскаго Его Величества полка Алдр. Алдр. Юшова.

курго и курдинаго, какъ черными на картинѣхъ Бонфидато, въ флорентинскихъ „Уффици"... мы все это знаемъ, другъ мой,—перевѣль одинъ изъ свидѣвшихъ за столомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте! Камелонъ интересно разсказываетъ—вступился другой партнеръ.

Камелонъ продолжалъ.
— Безусловно въ прекрасномъ синтомъ, смолнѣтъ, подтвердилъ въ дѣлахъ Патагонскихъ Штатовъ, съ братишкой лицомъ молчаливаго „сфинкса безъ таймъ“; дѣланный, асета удыбавишійся, съ инисерпеломъ, записомъ анкетировъ и „допъ тобъ“, которыхъ онъ вынимаетъ, какъ преступлянтаторъ, то нѣтъ бѣжового кармана, то нѣтъ ружья, а то нѣтъ уха... Графъ Ш.—первый секретарь посольства одной дружественной намъ державы; два аспина, къ сожалѣнью, безъ вѣстивать и гитаръ, но тою нѣка изъ золоченныхъ рамъ старинныхъ картинъ Эскуриала, два англійскихъ „боу“ изъ тѣхъ, которыхъ моя сестра называетъ „двигомъ d'интересовъ“, нѣкаго итальянскъ, съ ослѣдъ зловонныя фамилии и тѣмъ-нѣмъ лицомъ, ослѣ-

Ада Влад. Ширникина, рожд. Чемесова.

Поручикъ Л.-гр. Кирасирскаго Ел Величества полка Евг. Евг. Ширникъ.

Ник. Ник. Джиуновскій.

Ел. Георг. Джиуновская, роим. свѣтл. нинина Дадіани.

показъ на верхнюю койку, какъ мой сосѣдъ взялъ одинъ изъ своихъ чемодановъ, вынулъ изъ него какой-то бѣлый свертокъ и, сивъ пижамки, надѣлъ на себя... бѣлый фартукъ! Я была въ полномъ изумленіи. Но онъ улыбнулся слегка и объяснить мнѣ: „Пожалуйста своего барина. Онъ въ сосѣдствѣ съ женою кузъ. Не хотѣлъ, видите ли, ѣхать со мной въ одномъ отдѣленіи. Какой оселъ!“

* * *

Мы разошлись и, такъ какъ уже было поздно, разошлись по домамъ.

Half and Half.

Кам-юнн. Г. М. Хитрово.

Над. Ал. Хитрово, роим. Гринолевская.

grand homme pour son valet de chambre", но все же я не хотѣлъ жить съ женой въ одномъ отдѣленіи. Въ моемъ кузъ другое мѣсто было занято эстатнымъ агентомъ американскаго типа, съ преходными дорожными вещами. Мы разговаривали. Собесѣдникъ мой оказался человѣкомъ начитаннымъ, много путешествующимъ и обладающимъ прекрасными манерами. Время отъ времени онъ куда-то исчезалъ, но я не обращалъ на это вниманія. Наконецъ, мы рѣшили лечь спать, и я уже было

ПОЛУЧЕНА БОЛЬШАЯ ПАРТІЯ
АВТОМОБИЛЕЙ
(ИЗЪ АНГЛІИ).

ПРИБЫВШІЕ АВТОМОБИЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТЪ РЕКВИЗИЦИИ.

Торговый Домъ
„БОРЕЙ“
ПЕТРОГРАДЪ,

Наменновостровскій, собств. д., №15.
Телеф. № 220-88.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ
В. Л. КРЫМОВЪ.

О РУССКОМЪ МОДЕ-НАРОДѢ, ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ, ГАСТРОНОМІИ, МОДАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ.

О Модѣ-Народѣ и прочемъ. — О гастрономіи, гастрономіи, гастрономіи и прочемъ. — Изъ путешествій въ Южную Америку. — Изъ путешествій въ Сѣверо-Америку и въ Санъ-Франциско. — Краткая географія и исторія. — Выписки изъ журналовъ „Средства и Успѣха“ пересылка безплатно.

НОВАЯ КНИГА:
(5-й изд. тысяч.)

В. Л. КРЫМОВЪ.
ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЯТРАСЕНІЙ.

Въ странѣ землетрясеній. — Голубы и голубы. — По Восточной Азии. — По Панами. — Въ странѣ любви и землетрясеній. — Краткая географія и исторія. — Выписки изъ журналовъ „Средства и Успѣха“ пересылка безплатно.

АРКАШОНЬ.

Аркашонь в последние годы счастливо ринулся с Барнесса, Сан-Себастьяна, Ровенно и другими французскими курортами.

Аркашонь из значительной степени обман в этом спортивном, которые изобилие аркашонскую бухту для парусных состязаний.

Виды Аркашона с каждым годом привлекают больше и больше любителей этого спорта.

В последние годы из парусных аркашонских гонок принимал участие и наш соотечественник, капитан Арсений Карасорпент, многих англичан, американцев, даже спортсменов из Чили...

Названо и парусный клуб в Аркашонь.

„Rose Blanche“ Ю. П. Морозова, выигравшая Grand Prix на парусных гонках в Аркашонь.

В 1912 году Grand Prix выиграл Габриэль д'Анжуньо. Замечательный итальянский писатель уже семь лет проводит осень в итальянских километрах от Аркашона — в Музо, на песчаных дюнах, поросших приморскими соснами. Вилла „Доминика“, которую арендует д'Анжуньо, окружена десятком маленьких домиков, где помещаются его знаменитые братья, посвященные в итальянскую сотню тысяч франков.

В последние годы, по случаю войны, замечательная часть гонки была отменена, но Grand Prix сезона все-таки была разыграна при участии четырехмачтовых кат.

Этот почетный приз посвящен любимцу „Rose Blanche“ нашего соотечественника Ю. П. Морозова, принадлежавшему на выставку в Музо к графу Бронго-Ровенно „Veduggia“, на победу которой рассчитывали все спортсмены.

Г. Б. А.

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО ВЪ СТАРИНУ.

(Продолжение от 15 Января 1914 года)

Начало правдивых испытаний садается искать в праздничности катания на верховой по льду: он был при Екатерине Великой и Павле I одним из любимых удовольствий. В этом отношении происхождение наших бегов вполне естественно с происхождением американских. В Америке лаза на лыжах была любимым спортом голландцев, поселившихся у Гудзонова залива. С незапамятных времен они катались у себя дома, а в саваннах, по замерзшим голландским каналам и затонам перенесли свой любимый спорт в Америку, привезла в Нью-Йорк рысак „Гартрибера“. Там по аркашонским любителям ржаски лаза устроили катанье и соперники друг с другом в беге. Впоследствии эта забава превратилась в привычные испытания.

То же было и в России.

У нас в Москве, как сообщает Д. Д. Солицын, из старину завелось обыкновение на святах и масленице ходить показывать и поигрывать быстрой „копейкой“ (т. е. рыскающей лошадей) по ровной саванной дорожке. Словенная катанья происходила, обыкновенно, из саванной рыскающей и из Немецкой свободной, а масленице — по рыскающей Немецкой. Запас был банной дружины во всю ширь современного Кремлевского сада. Говорили, вступили в тяжелую саванну или в легкую „пешеневскую“. Игровые саваны в то время дались одиозными, без куучерского скандала, а на жителях было нечто из рода саван, на котором помещалась лаза с пастельным бачком. Украшения саваны саванной броней и обивалась трюмом; оба полоза конными позымились ипереть аршина на два и соединились вместе головой Медузы. Саванна как Лава, со своими узлами, для пропуски коней.

Какое название, пишет „Сатирический Вестник“ 1790 г., описывая жизнь молодых петербуржцев, показывать на бегу и бегать обзаводить с друзьями охотниками.

Этой легкой охотничьей забавой, заимавшей до километра степени современные беге, не даю было долго длится. В 1790 году Немецкий труд был уничтожен, и гудиза перенесена на Москву-реку, к воспитательному ладу. Но в то же время была названа в Москву южной-перестройки генерал. Заглас, заправивший скорую лазу по улицам. Эта перестройка помешала развитию быстрой лазы.

В это время удача и застав охоты, в Москву прибыла из постоянного жительства графа Алексея Тригорского Орлов-Несмежский, и ему спорт обзаводить заимавший своим развитием.

Орлов любил конную охоту, и все обитатели садались охотниками. Чтобы познать эту способность создавать себе по-дражайшей, надо оставаться, хотя бы бегом, на тех же действиях и внутреннею достоинств, которыми одарен был граф. Добросовестный биограф графа, Улицов, называет его красивейшим мужичком, греческие глаза, умная улыбка, замечательная красота всего его колоссального тела, — все принадлежало к нему, вызывая поклонение. Чуждая сила величия была лаза, что никто не мог превзойти его на лаза бачком, или на куучерской саванне.

Физическими качествами графа соответствовали достоинствам духа. „Примирив любовь отечества“, он был из людей „душой, соединившей российских и французских“, но в чуждом, „отлично благоговейным“ и „отрицательным из вселенной, из его вавилона“. Люба до страсти „всех отечественных правил и вежливости“, все, что обнаруживало мужество, силу, достоинство и искусство русского, он, как „настоящий русский боярин“, садился „сердцем общепризнанным вежливости“, обривая

увеселений—скачек, бѣга, пылкія пісьны, піскы, пітуншій—на потугу народа.

Задушев графа было и будет сознаніе въ Россіи рысакъ. Обладая колоссальными состояніемъ и пользуясь богатыми конскими матеріалами, графъ имѣлъ возможность производить различные опыты, путемъ многообразныхъ скрещиваній породъ. Графъ Орловъ пыталъ въ заводъ лишь дѣйствительно достойныхъ лошадей послѣ ихъ всесторонняго испытанія. Еще въ Голландіи, любящей голландскими блеунами, ластинами крупной рыскю, А. Г. Орловъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что только систематическія испытанія въ рысистой бѣдѣ могутъ превратить достигнутый завоѣвъ въ расовый принакъ.

Съ этой цѣлью графъ принималъ постоянныя замѣчательныя для того времени пріемы: бѣду на рѣзкость короткими конями по 200 саж. и малую бѣду на воспитаніи верстной дистанціи, для испытанія силы и устойчивости въ работѣ. Согласно разсказамъ современниковъ графа—П. А. Стрѣхова и С. П. Жидарева, волею отъ графскаго дома, по Казанской улицѣ, была устроена бѣговая кругъ на пространствѣ 200 саж., обнесенный прѣслями и надолбами. Вѣсто стояловъ, по преданію, съ того и другого конца стало по одной закрывающей кося изъ чести морского загра—«ота-рыбы». На бѣгу стоялъ саужитель графа, держа чаша величавой съ тарелку и, по окончаніи бѣды, докладывая графу о рѣзкости. Графъ любилъ бѣзды самъ, правя изъ бѣговыхъ саней, или проводя, избѣжавъху имъ высто прѣснѣхъ волоновъ. Такой древож, астаніи сказать, вполнѣ сливалъ съ современниками.

Прекрасно вытѣкая лошадей, графъ Орловъ изучалъ бѣдъ и пісьмоуныхъ свойствъ людей. Учителемъ были три Семена—«бѣлый», «черный» и «дрезинскій», которые и выработывали значащя «подъязыковъ», а изъ сѣмъ «языковъ». Лучшій изъ учителей Семенъ Игнатьевичъ, прозванный «бѣлымъ» и «языкомъ» вѣстной графской бѣды, оставилъ пісьмоуныхъ достоянствъ ученикамъ: Никиту, Григорію и Афанасію Ковальцевымъ, Сидору Басисеву и др. Изъ Хриновой, гдѣ была въ дальнѣйшемъ основана специальная школа графскихъ «языковъ», омытые «языки» развѣдываю по всѣмъ русскимъ заводамъ и широко распространяя пріемы графской вытѣлки.

Первоначальныя жеребцы для завода графъ частію приобреталъ за границей, когда стоялъ еще по главѣ фото, дѣйствовавшего противъ Турціи, а частію получалъ въ подарокъ отъ султана. Въ общемъ, было выведено 30 жеребцовъ, изъ которыхъ 12 отборныхъ были посланы, вмѣстѣ съ 9 арабскими кобылами, въ Островскій заводъ. Средъ нихъ былъ знаменитый, ставшій по главѣ генеалогіи русскихъ рысаконъ, серебристо-бѣлый жеребецъ «Систанка».

Изъ всѣхъ дѣлъ «Систанки», случайно убитого кономомъ въ 1779 г., любилъ удался «Полканъ».

Сынъ «Полкана», знаменитый «Барсъ», низкостный полъ называемъ родоначальникомъ русской рысистой лошади.

Вносистанки Орловъ пользовался исключительно жеребцами, рожденными отъ «Барсы», а скрещивалъ ихъ съ англійскими, арабскими, персидскими, голландскими лошадьми и даже ввелъ однажды

кровоу бузарского инохода. Такую кровь пыталъ въ своемъ произвожденіи знаменитый «Мушкетъ I». Сынъ его, замѣчательный «Атлантъ-Старый», и другие рыскы, выведенные Орловымъ, стали родоначальниками рѣзкѣйшихъ линий русскихъ рысаконъ.

Какъ истинный охотникъ, графъ любилъ поохотиться въ рѣзкости питомцевъ своего завода съ лошадьми другихъ коннозаводчиковъ. Современники разсказываютъ, что, помимо серьезныхъ скачекъ, основанныхъ имъ въ 1785 г., графъ устраивалъ состязанія на рыскахъ, за которые держалъ пари на казеніи. Одно изъ такихъ характерныхъ состязаній описано у В. И. Коптева со словъ Е. И. Жидарева:

«Всѣршній бѣгъ былъ оживленъ и казался какому-то охотничьимъ праздникомъ. У Чесменскаго былъ охотничій завоѣвъ, и охотничій пріѣздъ съ него на бѣду, кажется, очень подалуживъ. Заказавъ, предложенный г. Мосоловымъ за своего «Бука» противъ «Атланта» графа Орлова, не былъ принятъ, но это не помѣшало охотничьимъ состязаніямъ между собора изъ одной слани. Чесменскій на «Катак», Мосоловъ на «Бука», Давыдовъ на «Потаномъ».

А. И. Яковлевъ на какомъ-то сибирскомъ булановѣ ирири, князь Гудууровъ, Исаковъ и много другихъ вступили на скачку рысакъ по бѣду, перерывая другъ друга. Рысакъ Мосолова «Бука» былъ имъ отвѣденъ не отъ лошадей графа Орлова, но, однако-же, обѣздалъ всѣхъ. Одной только рысакъ г. Мосолова не токмо не изурядился и не сталъ, а, напротивъ, остальные конны продававши бѣжали охоты, съ возмущеніемъ бѣгущими. Г. Мосоловъ остановилъ его самъ, когда другіе не съѣздили съ бѣды».

Такими бѣгами графъ Орловъ въ юные время увеселялъ народъ. Стеченіе народа на эти зрѣлища было чрезвычайно: по словамъ биографа графа Ушакова, въ Москву съѣзжали дворяне, со всей Россіи, чтобы поохотиться охотничьи, шегоушными другъ перахъ другонъ».

Созавѣвъ барскому обичаю русскихъ коннозаводцовъ того времени, графъ не желалъ распространять заводскій изъ своего завода среди другихъ заводчиковъ. Онъ настоятельно хранилъ выведеннаго имъ рысакъ для себя и рода Орловыхъ, что заставляло дочери своего, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, съавѣтъ установившему имъ порядку.

Созавѣдова и горячая личность величавъ съ особенной силой проявляла въ его прѣсмертныя лѣта. Независимо страдалъ, онъ не могъ удержатъ бодрѣвности кривой и стовоу, которые были слышны на улицѣ. Чтобы заглушить ихъ, графъ приказывалъ играть пѣду охоты своей спланимъ оркестру трубачей.

Скончался графъ Орловъ въ 1808 году.

Графиня Анна на первый порохъ послѣ смерти отца строго соблюдала его завѣтъ—хранить заводъ рода Орловыхъ.

Однако, Хриновскій заводъ не долго оставался оторваннымъ отъ всего коннозаводства страны. Въ 1845 году его купила казна, и тогда по всей Россіи распространялись отсюда производствъ, давшие лучшій по всей Европѣ рысаконъ.

Нашъ коннозаводство увековѣчивъ память Орлова постановкой ему памятниковъ въ Москвѣ и въ Хриновѣ и учрежденіемъ многихъ призовъ его имени.

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНИЯ РЫССТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЬ:

Б Ъ Г А.

НОВАБРЬ: 9 (пр. на с. 15.143 руб. въ т. ч. нѣвъ 11 (доб.), 14 (пр. на с. 21.951 руб. въ т. ч. нѣвъ память гр. А. Г. ШЕРЕМЕТЕВОЙ"); нѣвъ 1886 г. 25-лѣтняго **16** (пр. на с. 20.330 руб. въ т. ч. нѣвъ пам. **18** (доб.), 20, 23 (пр. на с. 22.279 руб. въ т. ч. нѣвъ пам. **25** (доб.), 27, 30 (пр. на с. 22.279 руб. въ т. ч. нѣвъ пам. П. А. ДУБОВИЦКАГО").

НАЧАЛО БЪГОВЪ: въ праздничные дни въ 1 часъ, въ будніе дни въ 2 часа дня.